

УДК 910.4:571.62/.63:«1850/1909»

Барбенко Я.А.
Barbenko Y.A.

**Поисково-исследовательская работа
на юге Дальнего Востока вторая пол. XIX – нач. XX вв.
как предпосылка управления
аграрной колонизацией: разработка метода изучения**

**Explorations in the south of the Russian Far East
in second half XIX – early XX centuries as agricultural colonization
management background: research method development**

Статья посвящена обоснованию идеи изучения исследовательской работы на юге Дальнего Востока вт. пол. XIX – нач. XX вв. в качестве предпосылки управления аграрной колонизацией, а также разработке методики анализа поисковой деятельности. Характерной чертой условий развития региона в изучаемое время был недостаток информации о нём, несмотря на активную исследовательскую работу. Представлен способ анализа поисково-исследовательских мероприятий и путь выявления аграрно-колонизационных исследований из общей массы поисковой работы, раскрыты критерии анализа и порядок их применения.

Ключевые слова: Приамурье, аграрная колонизация, управление колонизацией, географические исследования, аграрно-колонизационные исследования

The paper substantiates the idea of studying the research work in the south of the Russian Far East in second half XIX – early XX centuries as a precondition of agricultural colonization management. Also, the purpose of the article is the development of analysis technique exploratory activity. A characteristic feature of the conditions of development of the region in the studied period was the lack of information in spite of active explorations. Provided an analysis method of the exploratory activities and the way to identify agro-colonial fieldworks of the total mass of the search operation, revealed the analysis criteria and their application.

Key words: Amur Region, settler colonialism, colonization management, geographic explorations, agro-colonial fieldworks

Цель данного текста – обосновать необходимость и показать возможность изучения поисково-исследовательской деятельности, проводившейся в интересах познания условий аграрной колонизации в Приамурье во второй половине XIX – начале XX вв. Поисково-исследовательская деятельность понимается как работа по сбору и первичному обобщению информации о регионе. Для того чтобы сделать вывод о динамике факта и содержания аграрно-колонизационных исследований (АКИ), необходимо проанализировать исследовательскую практику русских на осваиваемых территориях, выделить фрагментарные и полноценные факты АКИ из общей массы исследований и дать оценку

Таблица 1.
Плотность населения южных территорий Приморской области
во второй половине XIX в., чел./км²

Год	Округи Приморской области				В среднем по территории
	Николаевская/ Удская	Софийская/ Хабаровская	Уссурийская	Южно- Уссурийская	
1861	0,10	0,03	0,05	0,01	0,04
1881	0,09	0,07	0,09	0,17	0,11
1897	0,18	0,13	0,24	0,65	0,32

Рассчитано автором по: [16, с. 164; 27, с. VI].

структуре АКИ. Хронологический охват работы – 1850–1909 гг., от начала регулярной экспедиционной деятельности на Амуре и в ближайших окрестностях (Забайкальской экспедиции под руководством Н. Агте и Амурской экспедиции под руководством Г. Невельского) и до начала спланированной комплексной экспедиционной деятельности [12] (в рамках второй Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти). В анализ должны быть включены результаты исследований пространств части Приморской области в пределах Приамурья – земли бассейна Амура и Японского моря.

Описание проблемной ситуации

Территориальный рост Российской империи продолжался до последних десятилетий её существования. Одним из позднейших приращений империи было Приамурье, или как принято называть эти земли сегодня – юг Дальнего Востока. Русские пришли сюда с большим колониационным опытом, а также с чётко поставленными целями военного контроля над территорией на фоне успехов Британской империи в Китае и начавшейся Крымской войны (против всё той же Британии и её союзников) [29, с. 123; 15, с. 133]. Однако исключительно военный контроль этих территорий признавался неэффективным [25, с. 3], поэтому с первых же шагов к колонизации Приамурья, сначала в качестве своеобразного балласта, привлекается гражданское, земледельческое, крестьянское население. Именно хозяйственные нужды переселенцев¹, а также романтический настрой многих покорителей-цивилизаторов новоприобретённых приамурских пустынь способствовали интересу администраторов к исследованиям естественноисторических условий земледелия и склонности участников экспедиций (иногда по собственной инициативе) к сбору информации об этих условиях.

Степень населённости территорий Приамурья в XIX в. была крайне невысокой. Так, районы, относящиеся к Приморской области, порой дают сотые доли процента плотности населения, а самой населённой частью области в конце века является Южно-Уссурийская округа, в которой «проживает» чуть больше половины человека на квадратный километр (см. табл. 1). Беря в качестве критерия плотность населения, а значит и возможности влияния человека на среду, можно определить

¹ Они в самом деле имели значение, хотя и подчинённое. Один из нагляднейших примеров – организация первого переселения крестьян из Забайкалья на Нижний Амур в рамках Амурских сплавов под руководством специально назначенного генерал-губернатором чиновника, кн. М.С. Волконского [8, с. 418–421].

характер освоения указанных выше земель как пионерный: к территориям пионерного освоения относятся районы с плотностью населения менее 1 человека на км² [21, с. 9]. Исходя из этого можно заключить, что на протяжении всего XIX в. южнодальневосточные территории оставались зоной начального, пионерного освоения.

Одним из атрибутов пионерного освоения, и вообще – одним из важнейших его этапов, является изучение территорий, накопление информации [21, с. 9]. Информационное освоение Приамурья началось ещё до того, как русские заняли эту землю – территории бассейна Амура и их морское побережье находились под пристальным и нарастающим вниманием военных и гражданских исследователей с середины 40-х гг. [3, с. 169]. Заключение Айгуньского и Пекинского договоров предшествовала большая исследовательская работа, результаты которой позволяли оценить основные характеристики присоединяемых территорий.

Каким образом можно оценить степень изученности территории юга Приморской области на рубеже 60-х гг. XIX в., в период оформления границы двух империй на Дальнем Востоке? Практически все экспедиции, изучавшие Приамурье в 50-е – начале 60-х гг., двигались по руслам рек, берегам озёр и морскому побережью или вдоль него по воде¹. Таким образом, имея общее представление о регионе, его очертаниях, его климате, его флоре и фауне, администрация имела слабое представление о характеристиках большинства местностей, об особенностях климата Приморья и т. д. В рамках Амурской экспедиции Невельского был относительно обследован район низовьев Амура между бассейном р. Амгунь и оз. Кизи [3, с. 173–174], также экспедиция Будогосского десять лет спустя исходила Южно-Уссурийский край [28, с. 239–242] – таким образом, относительно известной оказалась местность в дальних окрестностях Николаевска и Владивостока.

Из всего набора природных условий Дальнего Востока наиболее специфичными относительно европейских и сибирских являются, пожалуй, климатические. Знания русских о климате юга Дальнего Востока в начале их утверждения здесь также были крайне приблизительны. Несмотря на то, что край в целом был охвачен русским присутствием, правильные (но непродолжительные) метеорологические наблюдения проводились только в низовьях Амура – в Николаевске и Мариинске в 1854 – 1856 гг. [23, с. 43]. Регулярные метеорологические наблюдения начинаются в Императорской (ныне Советской) Гавани с 1855 г., во Владивостоке с 1873 г. [38, с. 12–13]. Вместе с тем, К. И. Максимович, обобщая данные, имеющиеся к концу 50-х гг., выделяет в пределах интересующей нас Приморской области три климатические зоны – *северный Амур*, район Николаевска – Мариинска, *южный Амур*, сравнимый с Маньчжурией, *морское побережье* [23, с. 42–51]. Такое членение соответствует современному взгляду, в соответствии с которым климат юга Дальнего Востока определяется как переходный – муссонно-континентальный с нарастающими чертами муссонности [34, с. 78–79]. То есть внутренняя, муссонно-континентальная часть региона обозначается Максимовичем как «южно-Амурская», в то время как неодинаковые по температурному режиму, но сходные по степени влажности прибрежные и «северно-Амурские» территории сегодня определяются исследователями как муссонные. Можно заключить, что, имея правильное представление о климате Приморской области в целом, наука середины XIX в. не располагала (и не могла располагать) детальными данными.

¹ Характерна в этом смысле логика описания лесов Приморской области, выполненного в 1860–1864 г. экспедицией А. Будищева [31], которая выстраивается вокруг рек или (гораздо реже) населённых пунктов.

Итак, на старте колонизации Приморской области знания о природных условиях, которыми могла располагать администрация, были крайне обобщёнными и фрагментарными, что неизбежно должно было сказываться в практике управления и на результатах колонизации региона. Учитывая критически низкий уровень развития коммуникаций на Дальнем Востоке на середину XIX в., сокращённый штат администрации, отсутствие исследовательских институтов на месте, можно сказать, что управление областью разворачивалось в условиях недостатка информации.

Интерес российской бюрократии к научному изучению условий хозяйственной деятельности известен ещё для второй четверти XIX в. [22, с. 43 и далее]. Однако перед дальневосточной жизнью стояли гораздо более «простые» задачи: открыть эту землю, понять, как она устроена, что от неё следует ждать, как её можно использовать. Условия полеводства формулируются как исследовательская проблема уже в ходе земледельческого освоения Приамурья, особенно со времени начала морского переселения крестьян в Приморскую область в 80–90-е гг. Вывод о степени изученности области в сельскохозяйственном отношении к середине 90-х гг. XIX в. подвёл Ф.Ф. Буссе, в течение долгих лет заведовавший переселением крестьян: «...я не могу дать достаточно определённых данных для обсуждения природных условий, решающих вопросы колонизации...» [9, с. 3].

Исследовательская традиция

Описание и анализ исследовательской деятельности русских в Приамурье начинается уже в рассматриваемый период: содержательный очерк истории аграрно-колониционных (АК) исследований в Уссурийском крае 60–90-х гг. XIX в. можно обнаружить в известном труде Буссе «Переселение крестьян морем...» [9, с. 1–3]. Будучи практиком организации переселения, в своём исследовании Буссе не просто освещал процесс накопления знаний, но и давал оценку возможностям и степени влияния представлений об АК потенциале региона на политику и процесс сельскохозяйственной колонизации. Буссе организовал материал тематически, давая оценку сначала топографическим и картографическим, затем метеорологическим, флористическим и иным исследованиям. Очень красноречив заключительный пассаж очерка, посвящённого обзору АК исследований: «...в древности Южно-Уссурийский край был густо заселён землепашцами, а, следовательно, удобен для колонизации» [9, с. 3], который выдаёт неутешительные итоги исследований: *давайте ориентироваться на прошлую практику, потому что нового знания пока недостаточно.*

Ценным примером анализа АК исследований является работа Л. Чарнецкого «Методы и итоги прошлой колонизации Приморья...», опубликованная в 1925 г. [39, с. 23–36]. Подобно очерку Буссе, данный текст вышел из-под пера практика колониционного дела, а значит, включает критику исследовательского процесса так сказать изнутри. Изложение построено по проблемно-хронологическому принципу, автор разделяет описание исследовательских мероприятий [39, с. 23–33] и оценку их результатов [39, с. 26–27, 35–36], которая растворена в оценке результатов политики и самого колониционного процесса; наиболее внятная формулировка указывает на отсутствие «сведений о естественных условиях колонизируемого края» [39, с. 35]. Иные специальные исследования изучения возможностей Приамурья, с точки зрения его аграрной колонизации в период второй половины XIX – начала XX вв., мне не известны, при том, что географические, натуралистические и эко-

номические исследования как таковые были и остаются неперменным объектом внимания учёных.

Одним из активно развивающихся направлений современных исследований, посвящённых изучению территории Приамурья, является история географического изучения и картографирования. И.А. Захаренко [13; 14], С.К. Канн [17], Л.В. Кобылинский [29; 20], Ю.И. Манько [24], А.В. Постников [28], Р.Ю. Смагин [32] и другие активно работают в указанном направлении. Сочинения данных авторов посвящены общим вопросам организации и проведения научных и практических исследований в интересах центральных и местных ведомств и общественных организаций. Объектом внимания историков являются конкретные экспедиции или судьба исследователей либо отдельных познавательных проблем; это работы В.С. Агте [2], Л.В. Александровской [4], М.С. Высокова и И.М. Ищенко [10], И.Е. Каргиновой [18], В.И. Росликовой [30], В.Н. Соколова [33], А.А. Хисамутдинова [35; 36; 37] и других. Наконец, следует отметить сочинения по истории экономических и экономикогеографических исследований на Дальнем Востоке в означенный выше период [5; 11; 26]. Указанные исследования в разной степени, но все – с точки зрения собственного предмета исследования, касаются вопроса АК разысканий, складываясь в пёструю и нестройную картину, которой недостаёт оценки АКИ в контексте изучения региона в целом, в свете политики колонизации Приамурья, связи АКИ работы и практики хозяйственного освоения территорий.

Исключительно обширная литература, обзор которой невозможно представить на этих страницах, посвящена проблемам аграрной вообще и крестьянской в частности колонизации Дальнего Востока, переселению в край и его хозяйственному освоению, рассмотрены внутри-, внешне-, гео- и военно-политические причины, особенности и следствия переселенческо-колонизационного процесса, его культурные, социальные и этнические, агротехнические, экономические и административные аспекты. Однако вопрос АКИ-подготовки и обеспечения сельскохозяйственного освоения остался в стороне – в немалой степени в силу пограничного, междисциплинарного характера, но главным образом потому, что эта «подготовка и обеспечение», как было указано выше и будет показано в дальнейших работах, существенно отставала от нужд и управления, и самого освоения.

Аналитический аппарат исследования

Основные понятия исследования: аграрно-колонизационная политика, аграрно-колонизационные исследования, поисково-исследовательское мероприятие. *Аграрно-колонизационная политика* – комплекс мер по управлению (или содействию¹) сельскохозяйственным освоением территории, включающий следующие основные блоки: исследовательская деятельность и формулирование представлений о территории, законодательная работа, администрирование аграрно-переселенческого и хозяйственно-устроительного процесса. *Аграрно-колонизационные исследования (АКИ)* – сбор и синтез информации об условиях сельскохозяйственного освоения территории. Основания для содержания АКИ (набор и значимость критериев) см. [1, с. 17–122; 7, с. 63–68]. *Поисково-исследовательское мероприятие (ПИМ)* – любая организованная деятельность по сбору информации, результатом которой является прирост знаний о территории, могущих быть использованными в интересах аграрной колонизации.

¹ В зависимости от официального статуса переселенца, см.: [6, с. 86–87].

Таблица 2.
Пример формирования итогового показателя оценки
поисково-исследовательского мероприятия

№	I Организация-куратор	II Оценка организации исследований					III Порядок сбора АК инфо	IV АК-содержание исследований					Характер исследования
		1	2	3.1	3.2	4		1.1	1.2	1.3	2.1	2.2	
1		И	И	МО	ГЛ	НОП	-	-	-	-	-	-	M1
2		И	И	МО	ГЛ	ОП	П	+	-	-	-	-	M2
3		И	И	МО	ГЛ	ОП	П	+	-	-	+	-	M3
4		АК	И	МО	ГЛ	ОП	Ц	+	+	-	+	-	M4

Оценка ПИМ (с последующим выведением итогового показателя, характеризующего содержание конкретного мероприятия) производится по ряду критериев, учитывающих: I) ведомственную принадлежность, II) особенности организации исследования, III) порядок сбора АК-информации, IV) содержание АКИ. Описание содержания, значения и связи критериев *см. табл. 1 Приложения.*

Для выведения итогового показателя нужно учитывать существование иерархии критериев по степени влияния на итоговый показатель (то есть разные показатели критериев имеют разный вес). Иерархия выстраивается по принципу нарастания степени влияния от целей исследования (критерий II) к его результатам (критерий IV); значение итогового показателя складывается из соотношения исходных показателей. Наиболее значимо содержание исследования (критерий IV), именно фактическое содержание исследований позволяет нам судить об их характере. Ведомственная принадлежность мероприятия (критерий I) роли в формировании итогового показателя не играет. В таблице 2 приведена схема оценки исследовательского мероприятия исходя из минимально необходимого сочетания исходных показателей для формирования того или иного итогового показателя.

ПИМ, обладающее отрицательными или нейтральными по отношению к аграрно-колониальным исследованиям показателями, определяется как «исследование» (присваивается итоговый показатель «M1»); *см. строку 1 табл. 2.*

Для квалификации ПИМ как «АК полезного» достаточно, чтобы сработал хотя бы один показатель критерия IV. Соответственно сбор информации (критерий III) должен осуществляться, и его порядок должен быть не менее чем «попутным». Показатели иных критериев могут быть отрицательными или нейтральными (присваивается итоговый показатель «M2») 1, *см. строку 2 табл. 2.*

¹ Результаты исследований такого рода, в силу узости, не могут составить сколь угодно приемлемую картину АК условий, однако содержат информацию, которая может быть использована для названной цели.

Для квалификации ПИМ как «фрагментарного АК» необходимо, чтобы сработали любые показатели исследований и натуралистического, и экономического направлений (IV.1 и IV.2). Показатели иных критериев могут быть нейтральными (присваивается показатель «МЗ») ¹, см. строку 3 табл. 2.

Для квалификации ПИМ как «АК» необходимо, чтобы сработало более половины показателей и натуралистических, и экономических исследований (IV.1 и IV.2), а также порядок сбора информации (критерий III) должен быть «целенаправленным». Цели или специалисты (критерий II) такого АКИ должны быть неслучайными (присваивается показатель «М4»), см. строку 4 табл. 2.

Представленная система критериев позволяет обнаружить и оценить (по критерию I) ведомственную принадлежность поисковых мероприятий и распределение внимания центральных/местных, военных/гражданских и т. п. ведомств к исследованиям вообще и к АКИ в частности; (II.1) степень целенаправленности АКИ (степень случайности АКИ результатов), (II.2) долю специалистов, способных вести АКИ (косвенно указывает на качество результатов), (II.3.1, II.3.2) особенности методики исследований вообще и АКИ в частности, (II.4) степень доступности результатов (возможность влиятельности исследований); (III) порядок сбора АК информации (может быть связан с II.1 и II.2); (IV.1.1–IV.2.2) внимание исследователей к природным и социальным условиям ведения хозяйства (информативность АКИ). В целом же, как указывалось, данная схема анализа помогает дать оценку доле АКИ в общем объеме исследований и проследить развитие особенностей АКИ на протяжении начального этапа изучения юга Дальнего Востока – до начала системно организованной исследовательской работы в рамках Амурской экспедиции Гондатти.

* * *

Таким образом, можно видеть, что поисково-исследовательская АК работа русских в Приамурье второй половины XIX – начала XX вв., являясь самостоятельным предметом изучения, до сих пор не получила достаточного внимания. Анализ АКИ позволит дополнить представление о колонизационной политике русских в Приамурье, в частности сделать выводы об информированности местной и центральной администрации в вопросах условий АК, о степени научной обоснованности решений в области аграрно-колониационной политики. Представленная схема исследования опробована автором и будет использована при подготовке ближайших публикаций по заявленной проблеме.

Литература

1. Агроэкологическая оценка земель, проектирование адаптивно-ландшафтных систем земледелия и агротехнологий. Методическое руководство

¹ Результаты исследований данного типа являются фрагментарными, выводы, которые можно сделать для целей аграрной колонизации, не могут быть законченными, а значит и не могут служить опорой управления АК процессом, но могут использоваться для данной цели вкуче с выводами других исследований.

/ Под ред. В.И. Кирюшина и А.Л. Иванова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. 784 с.

2. Агте В.С. Забайкальская экспедиция Генерального Штаба 1848–1852 г. // Историко-культурное наследие ДВ на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29–30 апреля 1999 г.). Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 1999. 352 с. С. 67–70.

3. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 290 с.

4. Александровская Л. В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане: Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2007. 344 с.

5. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX и XX веков / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.

6. Барбенко Я.А. Возможности использования институционального подхода в исследовании управления переселением в Приамурье в период русской колонизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 81–92.

7. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Диссертация... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 л.

8. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 1. М.: б. и., 1891. IV, 672 с.

9. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб.: б. и., 1896. IV, 166, 57 с.

10. Высоков М.С., Ищенко М.И. Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край». Владивосток: Издательство «Рубеж», 2013. 792 с.

11. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.

12. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 7–28.

13. Захаренко И. А. История географического изучения и картографирования дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII – начало XX в.). Диссертация... доктора географ. наук. М., 2009. 424 л.

14. Захаренко И.А. Описание лесов Приморской области Дальнего Востока // Лесной журнал, 2009, № 3. С. 139–142.

15. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1999. 384 с.

16. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.

17. Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX вв. Диссертация... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 275 л.

18. Каргинова И.Е. Ф.Ф. Буссе: «Посвятить живому делу всю свою энергию и добрую волю» // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Том VIII. Владивосток: РГИА ДВ, ИРА «Комсомолка-ДВ», 2004. 196 с.

19. Кобылинский Л.В. История создания и развития гидрометеорологической службы России на Тихом океане. СПб.: ЦКП ВМФ, 2004. 196 с.

20. Кобылинский Л.В. Гидрографические и гидрометеорологические исследования Тихого океана. СПб.: ЦКП ВМФ, 2006. 528 с.

21. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
22. Лоскутова М.В., Федотова А.А. Становление прикладных биологических исследований в России: взаимодействие науки и практики в XIX – начале XX вв. Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2014. 220 с.
23. Максимович К.И. Амурский край. Из ботанического сочинения. СПб.: б. и., 1862. 90 с.
24. Манько Ю.И. Очерки истории лесного дела на Дальнем Востоке России (досоветский период). Владивосток: Дальнаука, 2008. 152 с.
25. Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. Б. м, б. г. Приложение № 3.
26. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2006. № 3. С. 7–33.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 3 (последняя) / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: б. и., 1905. XXVI, 212 с.
28. Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 384 с.
29. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
30. Росликова В.И. Развитие знаний о почвах юга российского дальнего Востока и роль Ю. А. Ливеровского в изучении их генезиса // *Вестник ДВО РАН*. 2004. № 4. С. 131–137.
31. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. Иркутск: б. и., 1883. – II, 591, 54 с.
32. Смагин Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX – начале XX века / Диссертация... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 366 л.
33. Соколов В.Н. Тропой Арсеньева: к исторической антропологии военного востоковедения ДВ России начала XX века // *Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6 томах. Том III*. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. 784 с. С. 707–778.
34. Урусов В.М. Дальний Восток: природопользование в уникальном ландшафте. Владивосток: Дальнаука, 2000. 340 с.
35. Хисамутдинов А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 352 с.
36. Хисамутдинова А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005. 224 с.
37. Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (Материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1 (1639–1939). Владивосток: Дальнаука, 2007. 667 с.
38. Хроника освоения Россией Дальнего Востока и Тихого океана, 1639 – 1989 / Сост. А.И. Груздев. Владивосток: Гидрографическая служба ТОФ, 1989. 42 с.
39. Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // *Советское Приморье*, 1925, № 3. С. 10–36.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Agroekologicheskaya otsenka zemel', proektirovanie adaptivno-landshaftnykh sistem zemledeliya i agrotekhnologij. Metodicheskoe rukovodstvo / Pod red. V.I. Kiryushina i A.L. Ivanova. M.: FGNU «Rosinformagrotekh», 2005. 784 s.
2. Agte V.S. Zabajkal'skaya ehkspeditsiya General'nogo SHtaba 1848–1852 g. // Istoriko-kul'turnoe nasledie DV na rubezhe vekov: problemy izucheniya i sokhraneniya: Materialy Vtorykh Grodekovskikh chtenij (Khabarovsk, 29–30 aprelya 1999 g.). Khabarovsk: Izd. dom «CHastnaya kolleksiya», 1999. 352 s. S. 67–70.
3. Alekseev A.I. Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoj Ameriki do kontsa XIX veka. M.: Nauka, 1982. 290 s.
4. Aleksandrovskaya L. V. Ivan Vasil'evich Furugel'm: dvadtsat' let na Vostochnom okeane: Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie. Vladivostok: Izd-vo PIPPKRO, 2007. 344 s.
5. Antologiya ehkonomicheskoy mysli na Dal'nem Vostoke. Vypusk. 1. Kolonizatsionnye protsessy v Priamurskom krae na rubezhe XIX i KHKH vekov / otv. red. P.A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2008. 208 s.
6. Barbenko YA.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya institutsional'nogo podkhoda v issledovanii upravleniya pereseleniem v Priamur'e v period russkoj kolonizatsii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 4. S. 81–92.
7. Barbenko YA.A. Krest'yanskoe rasselenie v Primorskoj oblasti kak chast' russkoj kolonizatsii Priamur'ya vo vtoroj polovine XIX v. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2010. 276 l.
8. Barsukov I. Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, offtsial'nym dokumentam, razskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam (materialy dlya biografii). Kn. 1. M.: b. i., 1891. IV, 672 s.
9. Busse F.F. Pereselenie krest'yan morem v YUzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893 godakh. SPb.: b. i., 1896. IV, 166, 57 s.
10. Vysokov M.S., Ishhenko M.I. Kommentarij k knige G.I. Nevel'skogo «Podvigi russkikh morskikh ofitserov na krajnem Vostoke Rossii. 1849–55 gg. Pri-Amurskij i Pri-Ussurijskij kraj». Vladivostok: Izdatel'stvo «Rubezh», 2013. 792 s.
11. Dem'yanenko A.N. Territorial'naya organizatsiya khozyajstva na Dal'nem Vostoke Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 284 s.
12. Dem'yanenko A.N., Dyatlova L.A. Obshhij zamysel Amurskoj ehkspeditsii 1910 goda i kratkij obzor ee Trudov // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2010. № 3. S. 7–28.
13. Zakharenko I. A. Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya dal'nevostochnogo pograničnogo prostranstva Rossii i Kitaya (seredina XVII – nachalo KHKH v.). Dissertatsiya... doktora geograf. nauk. M., 2009. 424 l.
14. Zakharenko I.A. Opisanie lesov Primorskoj oblasti Dal'nego Vostoka // Lesnoj zhurnal, 2009, № 3. S. 139–142.
15. Istoriya vneshnej politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza). M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. 384 s.
16. Kabuzan V.M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII – nachale KHKH vv. (1640–1917). Istoriko-demograficheskij ocherk. M.: Nauka, 1985. 264 s.
17. Kann S.K. Deyatel'nost' Komiteta Sibirskoj zheleznoj dorogi po estestvennonauchnomu izucheniyu Sibiri v kontse XIX – nachale KHKH vv. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2011. 275 l.
18. Karginova I.E. F.F. Busse: «Posvyatit' zhivomu delu vsyu svoju ehnergiyu i dobroyu volyu» // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka. Tom VIII. Vladivostok: RGIA DV, IRA «Komsomolka-DV», 2004. 196 s.

19. Kobylinskij L.V. Istoriya sozdaniya i razvitiya gidrometeorologicheskoy sluzhby Rossii na Tikhom okeane. SPb.: TSKP VMF, 2004. 196 s.
20. Kobylinskij L.V. Gidrograficheskie i gidrometeorologicheskie issledovaniya Tikhogo okeana. SPb.: TSKP VMF, 2006. 528 s.
21. Kosmachev K.P. Pionerno osvoenie tajgi (ehkonomiko-geograficheskie problemy). Novosibirsk: Nauka, 1974. 144 s.
22. Loskutova M.V., Fedotova A.A. Stanovlenie prikladnykh biologicheskikh issledovaniy v Rossii: vzaimodejstvie nauki i praktiki v XIX – nachale KHKH vv. Istoricheskie ocherki. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 220 s.
23. Maksimovich K.I. Amurskij kraj. Iz botanicheskago sochineniya. SPb.: b. i., 1862. 90 s.
24. Man'ko YU.I. Ocherki istorii lesnogo dela na Dal'nem Vostoke Rossii (dosovetskij period). Vladivostok: Dal'nauka, 2008. 152 s.
25. Men'shnikov A. Ocherk zaseleniya nizovogo Amura // ZHurnal predvaritel'nago mezhdovedomstvennago soveshhaniya po voprosu o merakh, kotoryya dolzhny byt' prinyaty dlya kolonizatsii nizov'ev Amura. B. m, b. g. Prilozhenie № 3.
26. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Renzin O.M., SHEjngauz A.S. EHkonomicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii // Prostranstvennaya ehkonomika. 2006. № 3. S. 7–33.
27. Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. LXXVI. Primorskaya oblast'. Tetrad' 3 (poslednyaya) / Pod red. N.A. Trojnitskogo. SPb.: b. i., 1905. XXVI, 212 s.
28. Postnikov A.V. Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII – nachale KHKH veka v svyazi s formirovaniem russko-kitajskoj granitsy. M.: LENAND, 2014. 384 s.
29. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala KHKH vekov. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. 552 s.
30. Roslikova V.I. Razvitie znaniy o pochvakh yuga rossijskogo dal'nego Vostoka i rol' YU. A. Liverovskogo v izuchenii ikh genezisa // Vestnik DVO RAN. 2004. № 4. S. 131–137.
31. Sbornik glavnejshikh offitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. T. V. Lesa Priamurskago kraja. Vyp. 1. Opisanie lesov Primorskoj oblasti. Irkutsk: b. i., 1883. – II, 591, 54 s.
32. Smagin R.YU. Voенно-topograficheskaya sluzhba v Sibiri v XIX – nachale KHKH veka / Dissertatsiya... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2015. 366 l.
33. Sokolov V.N. Tropoyu Arsen'eva: k istoricheskoy antropologii voennogo vostokovedeniya DV Rossii nachala KHKH veka // Arsen'ev V. K. Sobranie sochinenij v 6 tomakh. Tom III. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo «Rubezh», 2012. 784 s. S. 707–778.
34. Urusov V.M. Dal'nij Vostok: prirodopol'zovanie v unikal'nom landshafte. Vladivostok: Dal'nauka, 2000. 340 c.
35. KHisamutdinov A.A. Terra incognita ili khronika russkikh puteshestvij po Primor'yu i Dal'nemu Vostoku. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1989. 352 s.
36. KHisamutdinova A.A. Vladimir Klavdievich Arsen'ev. 1872–1930. M.: Nauka, 2005. 224 s.
37. KHisamutdinov A.A. Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka (Materialy k biobibliografii issledovatelej). Vyp. 1 (1639–1939). Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 667 s.
38. KHronika osvoeniya Rossiej Dal'nego Vostoka i Tikhogo okeana, 1639 – 1989 / Sost. A.I. Gruzdev. Vladivostok: Gidrograficheskaya sluzhba TOF, 1989. 42 s.
39. CHarnetskij L. Metody i itogi proshloy kolonizatsii Primor'ya i blizhajshie kolonizatsionnye meropriyatiya v budushhem // Sovetskoe Primor'e, 1925, № 3. S. 10–36.

Приложение
Таблица 1. Критерии анализа поисково-исследовательских мероприятий

Исходные показатели	Содержание и роль критерия и его показателей в оценке поисковых мероприятий	Итоговый показатель
<p>Критерий оценки поисковых мероприятий, его показатели</p> <p>I Организация (ведомство)-куратор. Показатели – названия ведомств, организовавших и/или финансировавших исследования: ВМ – Военное министерство, ВСГТ – Военно-Сибирское генерал-губернаторство, ИАН – Императорская Академия наук, ММ – Морское министерство, МП – Министерство просвещения, МПС – Министерство путей сообщения, ИРГО – Императорское Русское Географическое общество, ИРГО Про – Приамурское отделение ИРГО, ИРГО СО – Сибирское отделение ИРГО, МТИ – Министерство государственных имуществ, ОИАК – Общество изучения Амурского края, ПОП – Приморское областное правление, ПриГГ – Приамурское генерал-губернаторство</p>	<p>Содержание и роль критерия и его показателей в оценке поисковых мероприятий</p> <p>Ведомственная принадлежность поисковых мероприятий (или отсутствие таковой) даёт возможность оценить интерес данного ведомства к территории, потенциал использования специалистов данного ведомства в целях АК; при сотрудничестве ведомств существует возможность увидеть механизм сотрудничества.</p>	<p>Степень влияния исходных показателей на итоговый показатель</p> <p>Ничтожная. Критерий имеет значение не в контексте АК, но в плане общей оценки исследования.</p>
<p>II Организация исследования. Показатели: II.1–II.4</p>	<p>Значение критерия II проявляется на уровне общего анализа исследований и на уровне АКИ; см. детали ниже.</p>	<p>См. детали ниже.</p>
<p>II.1 постановка задач. Показатели: – постановка задач для аграрно-колониционного исследования «АК», – постановка задач иных исследований «И»</p>	<p>Значение имеет уже сам факт постановки исследовательских задач! Позволяет выделить АКИ из общей массы исследований – надёжно определить АКИ, оценить их долю в общей массе исследований.</p>	<p>Высокая. Наличие показателя АК даёт основания определить итоговый показатель как «И4».</p>
<p>II.2 состав специалистов. Показатели: – наличие специалистов, способных вести аграрно-колониционные исследования «АК», – наличие специалистов, способных вести иные исследования «И»</p>	<p>Участие АКИ-специалистов в исследовании позволяет надёжно определить АКИ, отсутствие АКИ-специалистов не препятствует квалификации исследования как АК.</p>	<p>Высокая. Наличие показателя АК даёт основания определить итоговый показатель как «И4».</p>

Исходные показатели		Итоговый показатель
Критерий оценки поисковых мероприятий, его показатели	Содержание и роль критерия и его показателей в оценке поисковых мероприятий	Степень влияния исходных показателей на итоговый показатель
II.3 степень точности исследования. Показатели: II.3.1–II.3.2	Степень точности имеет значение для оценки степени адекватности, корректности результатов проводимых исследований. Связан с критерием IV.1, для которого создаёт лучшие, продуктивные условия реализации.	Невысокая. Критерии IV.1.1 и IV.1.3 в идеале требуют наличие показателя СТ, а значит влияют на оценку. Критерий IV.1 в идеале требует наличие показателя ИН, а значит, влияет на оценку. Степень влияния невысока, поскольку данный критерий связан с точностью факта, а не наличием факта. Критерий имеет значение не столько в контексте АКИ, но главным образом в плане оценки уровня исследований вообще.
II.3.1 степень стационарности исследования. Показатели: – исследования стационарные «СТ», – исследования мобильные «МО»	Стационарные исследования позволяют оценить изменения показателей, создающих условия для сельского хозяйства.	
II.3.2 степень точности измерений. Показатели: – измерения глазомерные «ГЛ», – измерения инструментальные «ИН»	Инструментальные исследования придают большую точность получаемым данным.	
II.4 степень доступности результатов исследований. Показатели: – результаты не опубликованы «НОП», – результаты опубликованы «ОП»	Степень доступности говорит о возможностях использования, а значит – о возможностях влияния данного исследования на АК-процесс.	Ничтожная. Критерий имеет значение не в контексте АКИ, но в плане оценки уровня исследований вообще.
III Порядок сбора АК-инфо. Показатели: – целенаправленный сбор «Ц», – попутный сбор «П»	Порядок сбора информации имеет значение для самого факта сбора – нет сбора, нет порядка.	Высокая, но связана с самим фактом больше, чем с его показателями. Наличие любого показателя позволяет придать исследованию АК статус.
IV Содержание АК-исследований. Показатели: IV.1–IV.2	Один из инструментов отбора и оценки АКИ.	Очень высокая. Критерий позволяет зафиксировать факт и содержание АКИ. Наличие любого показателя из многих, относящихся к критерию IV, позволяет придать итоговому показателю значение М4.
IV.1 природные предпосылки. Показатели: IV.1.1–IV.1.3.		Определяющая. Наличие одного положительного показателя уже позволяет присвоить итоговому показателю значение М4.

<p>IV.1.1 климатический режим. Показатели: – фиксация климатического режима «+», – отсутствие фиксации климатического режима «-»</p>	<p>Количество и распределение тепла, уровень влажности, направление и сила ветров и т. д.</p>	<p>Очень высокая. Положительный показатель позволяет присвоить итоговому показателю значение М4.</p>
<p>IV.1.2 почвенные условия. Показатели: – фиксация почвенных условий «+», – отсутствие фиксации почвенных условий «-»</p>	<p>Качества почвы, их распределение по исследуемому району.</p>	
<p>IV.1.3 водный режим. Показатели: – фиксация водного режима «+», – отсутствие фиксации водного режима «-»</p>	<p>Количество и распределение осадков, уровня воды в водоемах в течение земледельческого периода и календарного года вообще.</p>	
<p>IV.2 социально-экономические предпосылки. Показатели: IV.2.1–IV.2.2</p>		<p>Определяющая. Наличие одного положительного показателя уже позволяет присвоить итоговому показателю значение М4.</p>
<p>IV.2.1 возможность ведения комплексного хозяйства. Показатели: – фиксация возможности ведения комплексного хозяйства «+», – отсутствие фиксации возможности ведения комплексного хозяйства «-»</p>	<p>Природные и социально-экономические предпосылки ведения многоотраслевого хозяйства.</p>	<p>Очень высокая. Положительный показатель позволяет присвоить итоговому показателю значение М4.</p>
<p>IV.2.2 степень транспортной доступности. Показатели: – фиксация степени транспортной доступности «+», – отсутствие фиксации степени транспортной доступности «-»</p>	<p>Потенциальные и существующие возможности транспортного развития обследуемого района.</p>	